

ДОЛГАЯ ПРОГУЛКА

*Эта книга посвящается
Джиму Бишопу, Берту Хэтлену
и Теду Холмсу*

Для меня не было во Вселенной ни Жизни, ни Цели, ни Воли, ни даже Враждебности; вся она была одной огромной, мертвой, безмерной Паровой Машиной, что с мертвым безразличием катится вперед, чтобы уничтожить меня. О бескрайняя, печальная, пустынная Голгофа, о Мельница Смерти! Почему послан туда Живой, наделенный сознанием, в полном одиночестве? Почему — ведь Дьявола нет? Его нет, если только Дьявол не есть твой Бог.

Томас Карлайл

Я советовал бы всем американцам ходить пешком как можно чаще. Ходьба не только полезна для здоровья; она — удовольствие.

Джон Ф. Кеннеди (1962)

*Не работает насос —
Управляли им вандалы.*

Боб Дилан

Часть первая

НА СТАРТ

ГЛАВА 1

Скажи тайное слово и выиграй сотню долларов.

*Джордж?.. Ты здесь, Джордж?
Джордж, кто выходит на старт первым?*

Граучо Маркс
«Жизнь на карту»

Вто утро на охраняемую автостоянку подъехал старенький синий «форд», похожий на маленькую измученную собачку, которой пришлось очень долго бежать. Один из охранников, скучающий молодой человек в форме цвета хаки, подпоясанный солдатским ремнем, спросил удостоверение личности — синюю пластиковую карточку. Сидевший на заднем сиденье юноша протянул ее матери, а та передала карточку охраннику. Охранник вставил ее в прорезь электронной машины, смотревшейся дико и неуместно посреди сельского однообразия. На мониторе машины высветились строчки:

ГАРРАТИ РЕЙМОНД ДЕЙВИС
ШОССЕ 1 ПАУНАЛ ШТАТ МЭН
ОКРУГ АНДРОСКОГГИН
№ УДОСТОВЕРЕНИЯ 49-801-89
ОК-ОК-ОК

Охранник нажал на кнопку, и буквы исчезли, зеленоватый экран монитора вновь стал ровным и пустым. Взмахом руки охранник предложил «форду» въехать на стоянку.

— Что, они не отдают карточку? — спросила миссис Гаррати. — Разве они не...

— Нет, мама, — терпеливо отозвался Гаррати.

— Как хочешь, мне это не нравится, — заметила миссис Гаррати, выруливая на свободное место. Эту фразу она постоянно повторяла начиная с двух часов ночи, когда они с сыном отправились в путь. Собственно, она не говорила, а стонала.

— Не волнуйся, — пробормотал он, не слыша собственного голоса. Ему нужно было как следует оглядеться, а кроме того, его переполняло ожидание, смешанное со страхом. Он выскочил из машины едва ли не раньше, чем стих последний астматический вздох двигателя. Высокий, хорошо сложенный парень в выгоревшей армейской куртке.

Весна. Утренний холодок. Восемь часов.

Мать — тоже высокая, но чересчур худая. Грудь, можно сказать, отсутствует; легкий намек на выпуклость. Глаза бегают, взгляд неуверенный, растерянный. Лицо очень больной женщины. Стального оттенка волосы растрепались, несмотря на сложную систему заколок. Одежда висит на ней мешком, как будто она недавно сильно похудела.

— Рей, — прошептала она заговорщицки; этот тон он с некоторых пор ненавидел. — Рей, послушай...

Он кивнул и сделал вид, что поправляет складки на куртке. Один из охранников ел кукурузные хлопья из жестянной банки и просматривал книжку комиксов. Гаррати смотрел на него и его книжку и в тысячный раз повторял про себя: «Все это действительно случилось». И впервые эта мысль показалась ему не слишком тяжелой.

— Еще не поздно передумать...

Страх ожидания мгновенно вернулся к нему.

— Нет, уже поздно, — возразил он. — Вчера был последний день.

Все тот же ненавистный конспираторский шепот:

— Они поймут, я знаю. Главный...

— Главный... — начал Гаррати и вдруг умолк, увидев, как содрогнулась мать. — Мама, ты знаешь, как поступит Главный.

Еще одна машина остановилась у ворот и въехала на стоянку после положенного мини-ритуала. Из нее выбрался темноволосый молодой парень, за ним — его родители. Все трое постояли около машины, о чем-то совещаясь, как бейсболисты, чья команда оказалась в трудном положении. На спине у темноволосого был легкий рюкзак, популярный среди юношей его возраста. Гаррати подумал, что, возможно, совершил глупость, не взяв с собой рюкзак.

— Так ты не передумаешь?

Чувство вины; чувство вины, скрытое под личиной волнения. Хотя Рей Гаррати исполнилось всего шестнадцать лет, он представлял себе, что такое чувство вины. Миссис Гаррати чувствовала, что она слишком устала, слишком измучена, может быть, слишком поглощена старым горем, чтобы погасить порыв сына в зародыше, погасить прежде, чем вспыхнули экраны компьютеров, явились солдаты в форме цвета хаки и бесчувственная машина государственного подавления начала привязывать к себе ее сына все больше и больше с каждым днем. Вчера же дверь, отгородившая его от мира, с лязгом захлопнулась окончательно.

Он тронул ее за плечо:

— Мама, это моя инициатива. Не твоя, я знаю. Я... — Он осмотрелся. Ни один человек вокруг не обращал на них ни малейшего внимания. — Я люблю тебя, но в любом случае это лучший выход.

— Неправда, — возразила она, едва сдерживая слезы. — Это не лучший выход, Рей, и если бы твой отец был здесь, то он бы остановил...

— Но его с нами нет. — Он говорил намеренно жестко, надеясь не дать ей расплакаться... Что, если придется оттаскивать ее силой? Эта мысль отрезвила его, и он добавил уже более мягко: — Теперь пойдем, мама. Идем? — Он заставил себя улыбнуться и ответил за нее сам: — Идем.

У нее дрожал подбородок, но она кивнула. Она не содрогнулась, но уже поздно. Делать нечего.

Ветки сосен шелестят на ветру. Над головой — чистое голубое небо. А впереди дорога, и на ней — каменный

столб, означающий границу между Штатами и Канадой. Внезапно его страх отступил перед ожиданием будущего, и он ощущал желание двигаться вперед.

— Вот, я приготовила. Ты возьмешь? Оно ведь не очень тяжелое. — Мать протянула ему завернутый в фольгу пакет печенья.

— Да-да. — Он взял печенье и неловко обнял ее, расчитывая дать ей то, в чем она нуждалась. Поцеловал в щеку. Кожа у нее как задубевший шелк. Он сам сейчас мог бы расплакаться. Но ему представилось улыбающееся усатое лицо Главного, и он отступил на шаг, засунув сверток с печеньем в карман куртки. — До свидания, мама.

— До свидания. Будь умницей.

Она вдруг показалась ему почему-то очень легкой, как будто ее, как парашютик одуванчика, занесло сюда утренним ветром. Потом она села в машину и включила зажигание. Гаррати стоял и смотрел на нее. Она помахала ему рукой. По ее щекам теперь действительно текли слезы. Он видел это. И помахал в ответ. Она отъехала, а он стоял неподвижно, думая о том, каким красивым, храбрым и стойким, наверное, выглядит. Но вот машина выехала со стоянки, и на него накатило ощущение одиночества. Теперь он был всего лишь шестнадцатилетним мальчиком, всеми покинутым в незнакомом месте.

Он снова взглянул на дорогу. Там стоял темноволосый парнишка и смотрел, как отъезжают со стоянки его родные. На одной щеке у него красовался большой шрам. Гаррати подошел к нему и сказал:

— Привет.

Темноволосый окинул его взглядом и ответил:

— Здорово.

— Меня зовут Рей Гаррати, — сказал Гаррати и слегка смущился.

— Питер Макврайс.

— Уже готов? — спросил Гаррати.

Макврайс пожал плечами:

— Рвусь в бой. Это хуже всего.

Гаррати кивнул.

Они вдвоем дошли до дороги, до пересекающей ее каменной черты. Они слышали, как за их спинами отъезжают другие машины. Вскрикнула какая-то женщина. Гаррати и Макврайс бессознательно придвигнулись друг к другу. Ни тот ни другой не оглядывались. Перед ними лежала широкая черная дорога.

— К полудню асфальт раскалится, — заметил Макврайс. — Лично я буду держаться поближе к обочине.

Гаррати кивнул. Макврайс задумчиво посмотрел на него:

— Какой у тебя вес?

— Сто шестьдесят.

— У меня сто шестьдесят семь. Говорят, быстрее устает тот, кто тяжелее, хотя я, по-моему, в неплохой форме.

Гаррати показалось, что Макврайс не просто в неплохой форме — он поразительно натренирован. Гаррати уже хотел спросить, кто это говорит, будто большой вес способствует быстрой усталости, но передумал. С Прогулкой связано множество апокрифов, суеверий, мифов.

Рядом в тени сидели еще двое мальчиков. Макврайс присел рядом с ними, а через секунду около него опустился и Гаррати. Макврайс как будто совершенно не замечал его. Гаррати взглянул на часы. Пять минут девятого. Впереди пятьдесят пять минут. Вернулось чувство нетерпеливого предвкушения; Гаррати попытался подавить его, говоря себе, что нужно просто посидеть, пока есть возможность.

Все ребята сидели — группами и поодиночке. Один забрался на нижнюю ветку сосны, нависшую над дорогой, и жевал сандвич с чем-то вроде мармелада. Костлявый блондин в темно-красных штанах и старой, протертой на локтях зеленой кофте на «молнии». Под кофтой на нем была синяя, прошитая серебристыми нитями льняная рубашка. Гаррати спросил себя — долго выдержат тощие или быстро сгорят.

Двое парней, к которым подсели они с Макврайсом, разговаривали друг с другом.

— Я не буду торопиться, — сказал один. — Чего ради? Если и получу предупреждение, так что с того? Подтвер-